

Литературное наследие

МИГЕЛЬ ЭРНАНДЕС

Полет

Летает влюбленный только. Но кто полюбил настолько,
Чтоб воплотиться в птицу и распрямиться в лете?
В ненависти погрязло все до последней дольки,
Жаждающей без оглядки взмыть опереньем плоти.

Любить... Но кто же способен? Летать... Но кто же способен?
Я в силах ворваться в небо, голодное от бескрылости,
Но внизу любовь задыхается, ибо в ненависти и злобе
Остается одно отчаянье и крыло не способно вырасти.

Существо, от желаний светлое, мечется, мечется, мечется —
Хочет вырваться, чтобы свобода стала гнездом над мерзостью,
Хочет забыть наручники, вросшие в человечество.
Существу не хватило перьев: оно утыкано дерзостью.

Иногда оно возносилось так высоко над сущим,
Что небо сверкало на коже, а птицы — внизу и рядом.
Душа, однажды смешавшаяся с жаворонком поющим
И потом упавшая градом в ад, пропитанный смрадом.

Ты знаешь теперь наверно, что жизни других — это плиты:
Живьем замуруют! Остроги — проглотят, как тварь, потроша!
Вперед, через груды и толпы тех, кто с решетками слиты.
Даже из клетки, где сыты, рвитель и кровь, и душа!

Смешное жалкое платье, моя оболочка брэнная.
Жрущая и вдыхающая огонь, пустая труба.
Изъеденный меч, затасканный от вечного употребления.
Тело, в тюрьме которого разворачивается судьба.

Ты не взлетишь. Ты не можешь летать, никчемное тело,
Блуждающее в галереях, где воздух меня сковал.
Льнущее к небу тело, которому дно надоело,
Ты не взлетишь. Все так же мрачен и пуст провал.

Руки — не крылья. Руки — может быть, два отростка,
Предназначенные для неба, для зеленого моря листьев.
Кровь тоскует от одиночества, ударяется в сердце жестко.
Мы печальны от заблуждений, предрассудков и лживых истин.

Каждый город, спешащий, спящий, обдаёт немотой казематов,
Тишиной сновидений, которые ливнем огненным канут в жижицу.
Все охрипло от невозможности улететь из этого ада.
Человек лежит, как раздавленный. Небо высится. Воздух движется.

Прежде ненависти

Я целуюсь, как мрак со мраком.
Я целуюсь, как с болью боль,
Этим трагическим браком
Наградила меня любовь —
Посмел полюбить однажды
Двойственный лик земли.
Жажда, господи, сколько жажды,
А вода шелестит — вдали.
Сердце мое в бокале,
И я оттуда напыюсь,
Ни одна душа не узнает,
Какое оно на вкус.
Накоплено столько злобы
Только из-за любви,
Что тебя приласкать не могут
Руки, даже мои,
Данные мне свыше
Страстью, сестрой тоски.
Сегодня особенно слышно,
Как ломают крыла на куски —
Железом, грызущим вены,
Вымазанным в крови.
Судьба моя, птица, подбита
Безжалостно из-за любви.
Из-за любви проклятой,
Только из-за любви.

Любовь, как высок твой купол,
Я вечно — внизу, под ним,
Свеченьем твоим окутан,
Ничем, только им одним.
Посмотри на меня, закованного,
Оплеванного, отверженного,
На грани мрака, такого
Густого и неизбежного.

Голод и я — два брата
По духу и по крови.
Решетка, стена, ограда —
Только из-за любви.

Ласточка, солнце, лето,
Облако, воздух, весь
День в оперенье света —
Все то, что значило это
Прежде, — убито, вздето
На крюк и зарыто здесь.
Чаща, морские воды,
Гора, долина, пески,
Право духовной свободы —
Прносятся с воплем тоски
Сквозь тело мое, навывлет,
Не задерживаясь в крови,
Но там они крылья взмыли
Только из-за любви.

Ибо я, окруженный адом,
Ожерельем стальных колец,
Неистребимым смрадом
Тюремщика, я — жилец
Каземата, как дух господен,
Весел, высок, свободен,
Я весел, высок, свободен —
Только из-за любви.

Говоря иными словами,
Мне попросту наплевать
На мир, придуманный вами:
Решетка, стена, кровать.

Где острог для улыбки?
Для голоса — где стена?
Ты — вдали, как смерть, одинока,
Там, без меня, одна.
Ощущая в руках уродство
Приговора меня к тюрьме,

В тех руках, где свобода бьется,
Прижимая меня к тебе,—
Там, на воле, в раю, пригодном
Для расправы людей с людьми,
Ощути же меня свободным.
Только из-за любви.

Пришел раненный трижды:
рана любви,
рана смерти,
рана жизни.

Раненный трижды идет на рассвете:
рана жизни,
рана любви,
рана смерти.

Я ранен трижды, все три:
рана жизни,
рана смерти,
рана любви.

Поцелуй был такой глубины и силы,
Что мертвых пронзил во мраке могилы.

Поцелуй возвратился, горяч и глубок,
И губы живых лихорадил и влек.

Поцелуй был слишком велик для губ,
Он чувствовал это, вонзаясь в глубь.

Тот поцелуй, который привык
Выкапывать мертвых и сеять живых.

Говорю после смерти, на тризне.
Молчишь, ты осталась жива.
Лучшее в смерти и в жизни —
Это бедные наши слова,
Вслух не сказанные, завязанные
Безмолвий крутым узлом.
Меж нами струна молчания,
Дрожащий, тугой излом.
Двумя стальными мечами,

Длинными до бесконечности,
Отточенными в молчании,
В объятьях, в тоске и вечности,
Наши тела отчаянно
Вместе взлетают ввысь,
Вместе падают вниз.
Терзаю тебя молчанием.
Пронзаешь меня молчанием,
Безмолвий сплошным звучанием.

Перевод с испанского ЮННЫ МОРИЦ

Когда этот луч перестанет струиться, терзая
мне грудь, где во мраке скрываются злые причуды,
где звери рычат и ржавеют чистейшие руды,—
за что это луч меня мучает, сердце пронзая?

Тот луч — сталактита разящего грива кося,
он пламя и меч, что меня настигает повсюду.
Когда отлучен от луча и от муки я буду?
Зачем этот свет излучается, не угасая?

Со мной зарожден, стал он болью моей
изначальной,
его не избуду, покуда не встречу с могилой,
во мне коренясь, на меня же направил он бивень.

И нету исхода, и участи нету печальной,
и будет упорно, все с той же неистовой силой
пронизывать душу мою сталактитовый ливень.

Проходят по тропинке сокровенной
крестьяне, совершая круг свой тесный,
их кровь гудит под тяжестью отвесной —
под грузом зим и весен, рвущих вены.

Так, через труд вседневный, неизменный,
они приходят к поцелую, к песне,
и жадно впитывает воздух пресный
земную соль — мужицкий пот священный.

А я иду один своей дорогой,
и не приводит к счастью путь мой длинный,
и не разводит он меня с тоскою...

Под сводом лба заплакал круторогий
бык одинокий на краю долины,
забыв про естество свое мужское.

Смерть в бычьей шкуре движется, слепая;
рога и раны — вот ее обличье:
корриды упоительной добыча,
она пасется, тяжело ступая.

Звериный рев разносится, вскипая
любовью непомерной, жгучей, бычьей:
ей все живое обнимать в обычай,
кровь пастухов убитых искупая.

Бери мой луг, несытый зверь влюбленный,—
мою живую душу, горький плод мой,
коль горечи отведать захотелось.

Как ты, измучен я неуголенной
любовью ко всему, глухой, бесплодной,
и сердце скорбным саваном оделось.

Как муравьи в своей смиренной доле
влачат ярмо работы кропотливой,
натруженные жилы терпеливо
несут мое желанье — сгусток боли.

Я чую смерть, и жизнь моя — неволя,
когда перед глазами это диво —
грудь, возносящаяся горделиво,
с дыханьем колосящегося поля.

Как мертвецу последняя обитель,
ты мне пришлась, любовь,— и я немею
перед тобою, как перед святыней.

Своей голодной крови повелитель,
я, точно раб, в пустыню брошен ею,—
да, нет песков, но схвачен я пустыней.

В каком-нибудь селении высокий
бук или дуб, а может, альгарробо —
тот, что подарит доски мне для гроба,—
давно стоит, как сторож одинокий.

А может быть, свершился срок жестокий,
и ствол крушит пилы визжащей злоба,
и вот земная вздрогнула утроба —
упал мертвец, хранящий жизни соки.

А может, деревянная обнова
уже кроится мне — и подытожит
мне скоро все итоги древесина...

А темная земля всегда готова
(наверняка, без всяких там «быть может»)
принять последнее дыханье сына.

Перевод с испанского А. ЯКОБСОНА

■ ■ ■

Прошла любовь, как лунная вода,
Долиной тел — долиною двух пальм,
Которым не обняться никогда.

Глубинный гул коснулся наших тел
И стал листвою в серебряных клубках.
Но замер стон и вздох осиротел
На восковых губах.

Нас поглотил серебряный огонь,
И стали мы прозрачнее стекла,
Но на ладонь бескровная ладонь,
Как мертвая, легла.

Прошла любовь печальною луной
По нашим покосившимся крестам —
И тени их, шагнув за край земной,
Не встретились и там.

Перевод с испанского А. ГЕЛЕСКУЛА

